

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09+929 Чернышевский

НИКОЛАЙ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ: К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

А.А. Демченко

Педагогический институт Саратовского государственного университета,
кафедра русской классической литературы и методики преподавания
E-mail: adema4@yandex.ru

Предлагается современное рассмотрение жизни и творчества Н.Г. Чернышевского с привлечением малоизученных материалов.

Ключевые слова: Чернышевский, литература, биография, культура, демократизм.

Nicholai Chernyshevsky: Towards 180-th Anniversary

A.A. Demchenko

The article offers a contemporary view of Chernyshevsky's biography and work, bringing in some understudied materials.

Key words: Chernyshevsky, literature, biography, culture, democracy.

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам своей судьбы виной!..»

Этим знаменательным предупреждением начинается стихотворение Н.А. Некрасова «Пророк (Из Барбье)», написанное в 1875 г.¹. Оно вошло в его предсмертный сборник «Последние песни», и в экземпляре, подаренном художнику И.Н. Крамскому, поэт зачеркнул первоначальное заглавие и надписал: «Памяти Черского», т.е. Чернышевского, но тут же переправил: «В воспоминание о Черском», поскольку Чернышевский был жив, отбывая ссылку в Якутии.

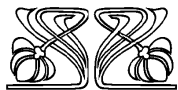
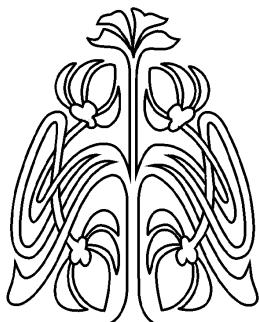
Размышляя о судьбе своего соратника по работе в «Современнике», Некрасов высказывает важную мысль, касающуюся закономерностей общественного и нравственного поведения писателя, сознательно связавшего свою судьбу с судьбой своего народа. Чернышевский, сосланный в Сибирь на пожизненное поселение, вовсе не пал жертвой собственной неосмотрительности, как думают иные вследствие незнания, наивности или поверхностности взгляда. По убеждению поэта,

Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

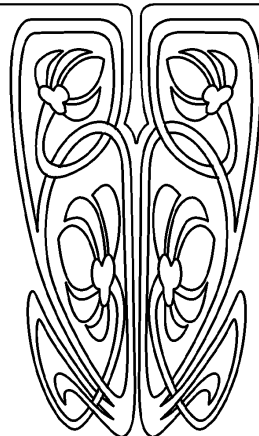
И затем её автор раскрывает хорошо ему известные взгляды публициста, с которым постоянно общался в течение десяти лет:

Но любит он возвышенной и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!» –
Так мыслит он – и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь ему нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна...

И подобно тому, как Некрасов завершал в 1861 г. стихотворение на смерть Н.А. Добролюбова строкой, прерывающей дыхание ритма, – «Природа-мать! когда б таких людей / Ты иногда не посылала миру, / Заглохла б нива жизни...», – поэт заканчивает стихотворение о Чер-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

нышевском сильной евангелической параллелью, останавливающей воображение:

Его ещё покамест не распяли,
Но час придёт – он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

В стихотворении-мемуаре Некрасов отметил суть личности Чернышевского: единство убеждений и поступков. Человек, чья судьба ему самому «давно ясна», сознательно идёт на жертвы, если убеждён в личном мужестве, в том, что никогда не поступится своими убеждениями. Он знал о предстоящих суровых испытаниях – нравственных и физических. Но не просил о пощаде, не склонил головы перед торжествующей победой властью, не отрёкся от своей веры и ушёл на каторгу, по словам А.И. Герцена, «с святою нераскаянностью»². Приведём ещё ряд свидетельств. «Верен своим убеждениям в своей жизни и в своих поступках», – вспоминал историк Н.И. Костомаров³, на глазах которого бывший учитель Саратовской гимназии стал соредактором Некрасова в «Современнике», лучшем журнале 60-х гг. «Человек громадных способностей, учёности, неустанного труда, железной воли, неподкупной честности и глубоких убеждений, которым он всю жизнь не изменял ни в чём никогда, – писал другой современник-шестидесятник, Н.Д. Новицкий, офицер, впоследствии генерал, – Чернышевский был во многом, и особенно в этом последнем отношении ... можно сказать, феноменальной личностью в нашей литературе и обществе ... что называется – *цельною личностью*»⁴.

В школьных, да и вузовских учебниках далеко не всегда приходят на память эти характеристики, вскрывающие самую суть облика писателя-демократа. Нередко на первый план выступают иные оценки. Революционер-подпольщик, писавший антиправительственные прокламации и призывавший Русь к топору, автор романа, герои которого то спят на гвоздях, то видят утопические сны о счастливом будущем, а само заглавие романа превращено в извечный, задаваемый по самым разным поводам «русский вопрос», – таким сложился в сознании большинства современного молодого поколения мифический образ Чернышевского.

В этом представлении, далёком от действительности, положительным является одно – забвение, неравнодушие к имени.

Сразу скажем, что время никогда не относилось к Чернышевскому равнодушно. С самых первых строк в «Современнике», возвестивших о появлении в литературе талантливого работника, до сегодняшнего дня вокруг его имени бурлят страсти, оно, как и прежде, продолжает «шуметь на всех путях и перекрёстках русской жизни», по вынужденному признанию Акима Вольнского, одного из его ярых идейных оппонентов конца

XIX в.⁵ От понимания современниками Чернышевского как крупного писателя-мыслителя, идейно влиявшего на формирование общественного сознания, до чрезмерного в последующее продолжительное время восхваления его как предшественника русского марксизма и затем резкого снижения его роли в отечественной литературе – таковы заметные вехи в оценках писателя на протяжении многих десятилетий.

Бросим пока самый общий взгляд на биографию писателя. Из шестидесяти одного года его жизни (1828–1889) непосредственное участие в общественно-литературном движении продолжалось всего десять лет: в 1853 г. на страницах «Отечественных записок» и «Современника» появились первые публикации двадцатипятилетнего автора, с арестом в 1862 г. его деятельность была насильственно прекращена. Узнику Петропавловской крепости лишь однажды удалось обратиться к читателям – с романом «Что делать?»⁶. Наступившее затем почти полное литературное небытие длилось в России четверть века – до конца его жизни, прошедшей в сибирской и астраханской ссылке, и потом ещё около двадцати лет – после его смерти, когда в 1905–1906 гг. было разрешено издать его первое Полное собрание сочинений. Но и десятилетней работы в «Современнике» оказалось недостаточным, чтобы шестидесятые годы XIX столетия назвали его именем, как сороковые – именем Белинского. Переадресовывая самому Чернышевскому сказанное им о немецком просветителе XVIII в. Лессинге, можно сказать, что он для своего времени «был главным в поколении тех деятелей, которых историческая необходимость вызвала для оживления его родины»⁷. Философ, историк, экономист, публицист, литературный критик, беллетрист, педагог, он привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей в России и за её пределами. Одухотворённость, огромность взятого на себя труда, истинность социальной позиции – всё это приковывало к нему внимание современников и последующих поколений.

Писал прокламации ... Так ли было на самом деле? Посмотрим на факты.

Да, в Сибирь его отправили за прокламацию «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», написанной в год объявления знаменитого царского Манифеста об освобождении крестьян от крепостной зависимости. Автор воззвания объяснял половинчатость проведённой реформы: крестьяне получали личную волю, но без земли, которую, после двухлетней отработки у помещика на прежних условиях, вольны были выкупать за свои деньги. Следовал призыв готовиться к решительным выступлениям за подлинную волю. В жандармских архивах сохранился текст прокламации, с которого производился типографский набор, но это не рука Чернышевского. Его авторство пытались на следствии подтвердить собственноручной запиской к наборщику

с просьбой замены некоторых слов. Однако Чернышевский сличением почерков доказывал, что записка подделана. Следственная комиссия не приняла в расчёт эти доводы. Когда архивы стали доступны исследователям, была проведена специальная графологическая экспертиза и она доподлинно установила фальсификацию. Кроме того, были найдены расписки исполнителя подделки и лжесвидетеля В.Д. Костомарова в получении определённых сумм из кассы жандармского III отделения⁸. Исследователи до сих пор не располагают документальными сведениями в пользу авторства Чернышевского в отношении этой или какой-либо другой прокламации⁹. Единственное исключение составляют воспоминания сотрудника «Современника» Н.В. Шелгунова. Однако они были опубликованы уже после его смерти и не по авторской рукописи, которая до сих пор не найдена, а по копии со следами вмешательства публикатора в текст¹⁰.

В своё время в обществе уже носились слухи о подлогах в деле арестованного Чернышевского. В частности, возмущение высказывал в кругу знакомых известный историк С.М. Соловьёв, не разделявший взглядов публициста «Современника», но осуждавший правительство за несправедливую расправу с писателем. Эти разговоры запомнились его сыну, впоследствии религиозному философу и поэту Владимиру Соловьёву. Спустя годы ему довелось познакомиться с материалами следственного процесса Чернышевского, и он написал по этому поводу возмущённую статью о творившихся в старых судах несправедливостях¹¹.

Призывал Русь к топору... Сама фраза, получившая столь определённую адресность, впервые прозвучала в «Письме из провинции», появившемся в 1860 г. в лондонской газете А.И. Герцена «Колокол». Упрекая издателя газеты в нерешительности критических обращений к обещающему реформы царю, автор, подписавшийся псевдонимом «Русский человек», призывал: «Вы всё сделали, что могли, чтобы содействовать мирному решению дела, перемените же тон и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь...»¹². Кому только не приписывали авторство – и Н.А. Добролюбову, и Н.П. Огарёву, но все исследователи решительно отвергли участие Чернышевского¹³. Однако в расхожей научно-популярной литературе, упорно называя Чернышевского автором прокламации к крестьянам и главой революционной партии в России, из книги в книгу закрепляли за ним и легко контактируемую с этой характеристикой фразу о топоре¹⁴.

Да, Чернышевский не отрицал возникавших порою в истории народов революционных взрывов как историческую неизбежность. В его концепции истории всегда превалировала мысль о смене реакционных периодов революционными и обратно. Не случайно в романе «Что делать?» он предсказывает «новым» и «особенным» людям быть

«согнанными со сцены»: «Под шумом шиканья, под громом проклятий они сойдут со сцены гордые и скромные, суровые и добрые, как были. И не останется их на сцене? – Нет. Как же будет без них? – Плохо. Но после них будет всё-таки лучше, чем до них. И пройдут годы... пришло время возродиться этому типу... и опять та же история в новом виде...»¹⁵

Глубокое прозрение в историческую закономерность сочеталось, по свидетельству современников, с осуждением «прямолинейного революционерства»¹⁶. Чернышевский, как мог, останавливал революционно настроенную молодёжь в её намерениях непременно бунтовать, сочинять воззвания и всевозможные протестные адреса, совершенно справедливые по сути, но, по тогдашним условиям, не достигавшие ожидаемых результатов и провоцировавшие власти к репрессиям. Один из бывших таких студентов впоследствии вспоминал эпизод, связанный с решением студенческого комитета составить адрес, чтобы добиться открытия при Литературном фонде отделения для нуждающихся студентов Петербургского университета, временно закрытого ввиду начавшихся осенью 1861 г. студенческих волнений. «“Вы, господа революционеры, прямо скажу, ужасные вы революционеры, – говорил Чернышевский комитетчикам. – А знаете ли, Сергей Иванович, – неожиданно обратившись к студенту Ламанскому, продолжал Чернышевский, – кто первый революционер в России? Да ведь это ваш братец, Евгений Иванович; посмотрите, каждый день печатает какую-нибудь прокламацию... Если вы откажетесь от адреса, то могу вам наверное сказать, что будет разрешено Второе отделение”. Перед авторитетом Чернышевского скоро умолкли даже самые горячие протестанты. И действительно, через короткое время отделение было разрешено»¹⁷.

В своих статьях Чернышевский приводил немало примеров из истории, когда революционеры устраивали восстания, которые заканчивались лишь напрасными жертвами. «Ох, нетерпение! – Ох, иллюзии! – Ох, экзальтация!», – такими словами характеризует Волгин, герой написанного Чернышевским в Сибири романа «Пролог», действия республиканцев во Франции в революционном 1848 г.¹⁸ Не только экстремичность иных радикалов, но и сама революция чаще всего несёт с собою нежелательные последствия, которые, если это становится возможным, необходимо предупредить. Так, оценивая сложившуюся после старского Манифеста взрывоопасную ситуацию в стране, когда недовольство крестьян объявленными условиями воли перерастало в ряде губерний в бунты, Чернышевский пояснял в обращённых к царю «Письмах без адреса» (статью цензура запретила к печати), что «ожидаемой развязки» трепещут все общественные слои. «Не вы один, – писал он здесь, – а также и мы желали бы избежать её», поскольку справедливо негодующий народ

в своей слепой ненависти «не пощадит и нашей науки, нашей поэзии, наших искусств; он станет уничтожать всю нашу цивилизацию»¹⁹. Невольно напрашивается сопоставление предупреждений Чернышевского с пушкинскими опасениями «бунта беспощадного». По Чернышевскому, выход есть: опираясь на народ, вовлекая его в прогрессивные реформы, оценивать свои действия с точки зрения того, «какие преобразования материальных отношений нужны для удовлетворения потребностям беднейшего и многочисленного класса»²⁰. В этом смысле Чернышевский всегда оставался на позициях революционного демократизма, но понимаемого, однако, не как призывы к революционному восстанию и участие в сочинении подпольных прокламаций. Однажды Чернышевский сам употребил понятие «революционный демократ» применительно к характеристике политических симпатий Ж.-Ж. Руссо²¹, одного из наиболее последовательных в эпоху Просвещения пропагандистов демократических свобод и заботы о материальном положении трудовых масс.

Этот критерий сохранялся и в оценке Чернышевским марксизма. Мы не знаем прямых его отзывов об этой теории, но по дошедшим отрывочным мемуарным сведениям можно составить некоторое представление на этот счёт. Например, Чернышевский высоко оценивал историческую часть «Капитала», но в целом отзывался о сочинении критически. В этом отношении заслуживают внимание воспоминания А.А. Токарского, будущего члена 1-й Государственной думы, в молодости часто общавшегося с Чернышевским, вернувшимся из Сибири и Астрахани в Саратов. Однажды зашёл разговор о желательности открытия «закона человеческой жизни», подобно тому как «Ньютон уловил закон мироздания». На замечание, «не приближает ли нас к разрешению вопроса теория экономического материализма», под которой в те годы принято было разуметь теорию Маркса, последовал ответ: «Нет, это, может быть, материал, но не путь к разрешению вопроса»²².

Таким образом, сложившийся десятилетиями миф о прокламационных выступлениях и призывах к топору никак не увязывается с обликом подлинного Чернышевского, глубокого мыслителя и гуманиста.

Мы уже говорили, что не менее мифическими представлениями обросли суждения о знаменитом романе «Что делать?». Здесь необходимо предварительно сделать краткий экскурс в характеристику предшествовавшей написанию романа колоссальной по своей напряжённости и результативности деятельности литератора в самом широком смысле этого слова.

Его дебютом в литературе, наиболее отчётливо проявившим позицию начинающего журналиста, стала статья «Об искренности в критике» (1854), в которой, как и в других его публикациях этого времени, была заявлена актуальность критического метода Белинского 1840-х гг., строгого,

смелого, разборчивого ценителя литературы, от которой требовалось быть современной²³. В подоплёке высказываний имелись в виду близость литературы к потребностям народной жизни и противостояние теории «искусства для искусства», «чистого» искусства. Научным обоснованием этих требований явилась книга «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), выставленная в качестве диссертации для получения учёной степени магистра русской словесности. Философии Гегеля, в основе которой заложена идея развития абсолютного духа, служившей опорой сторонникам «искусства для искусства», автор диссертации противопоставил философскую систему Фейербаха с её вниманием к запросам человека. Распространяя антропологию этого философского учения на явления искусства, Чернышевский сформулировал основные положения своей эстетики: действительность выше искусства, которое, в сущности, предстаёт как её суррогат; прекрасное есть жизнь, как мы её понимаем; искусство воспроизводит всё, что есть интересного для человека в жизни; произведения искусства имеют и другое значение – объяснение жизни, часто они имеют и значение приговора о явлениях жизни; литература выступает проводником научных знаний и учебником жизни²⁴.

Отметим главную направленность этих эстетических убеждений, генетически восходящих к воззрениям Белинского 1840-х гг.: призыв к литературе быть общественно значимой и в своих изображениях критически оценивать действительность. В эпоху крепостничества подобные призывы носили, несомненно, революционный характер. Это вовсе не означало непонимание Чернышевским специфического характера искусства. Как он сам выразился однажды в письме к Некрасову в 1856 г., «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли... Я смотрю (лично я) на поэзию вовсе не исключительно с политической точки зрения. Напротив, – политика только насильно врывается в моё сердце, которое живёт вовсе не ею или, по крайней мере, хотело бы жить не ею... Тенденция может быть хороша, а талант слаб, я это знаю не хуже других, – притом же, я вовсе не исключительный поклонник тенденции, – это так кажется только потому, что я человек крайних мнений и нахожу иногда нужным защищать их против людей, не имеющих ровно никакого образа мыслей»²⁵. В мировоззренческом лексиконе Чернышевского понятие «образ мыслей» имело вполне определённое содержание, связанное с целым комплексом идей, в основе которых лежала мысль о необходимости противодействия всеми средствами крепостничеству и всем его последствиям, материальным и моральным, губительным для нации.

Социальная обусловленность позиции Чернышевского-эстетика объясняет и в известной степени оправдывает категоричность и односторонность иных его заявлений. Но он вовсе не

был «разрушителем» эстетики, как полагали его оппоненты из лагеря «искусства для искусства» или из лагеря деятелей, впоследствии называвших себя его единомышленниками и наследниками, например, сотрудники «Русского слова» середины 1860-х гг. Д.И. Писарев²⁶ и особенно В.А. Зайцев, утверждавший полную бесполезность произведений художественной литературы, если они не могли быть переведены в социально-политическую плоскость²⁷.

Горячую полемику работа Чернышевского об эстетике возбудила при третьем посмертном её издании в 1893 г. Сторонники «искусства для искусства», в числе которых в ту пору выступили А.Л. Вольнский, кн. С. Волконский и П.Д. Боборыкин, буквально обрушились на Чернышевского. Автор «совершенно не владел теми эстетическими взглядами, без которых невозможны настоящие литературные оценки сколько-нибудь значительных литературных произведений», – настаивал Вольнский²⁸. Ему и другим радателям «искусства для искусства» решительно возразил Вл.С. Соловьёв, в своей статье назвавший диссертацию Чернышевского «первым шагом к положительной эстетике». Критик посчитал принципиально важным поддержать исходный пункт эстетической системы Чернышевского: искусство находится в существенных связях с другими человеческими деятельностями. Он разделяет полемику с гегелевским определением прекрасного в трактовке Чернышевского, принимает вывод, что красота в природе имеет объективную реальность, принимает и утверждение, что существующее искусство есть лишь слабый суррогат действительности – «эти тезисы останутся»²⁹. Слово «суррогат» не вызывает у него недоверия, как в своё время у И.С. Тургенева или П.В. Анненкова³⁰. Дело в том, что оно изъято Вл.С. Соловьёвым из прежнего состава рассуждений об искусстве как учебного пособия и включено в более широкую философскую перспективу понимания искусства, служащего общим жизненным целям человечества.

Взгляды на искусство, изложенные в диссертации, получили развитие в капитальной историко-критической работе Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы». Современники по праву называли её очерками о Белинском. С опорой на великого критика автор дал бой приверженцам теории «искусства для искусства». В качестве важнейших принципов литературных суждений выдвигалось «понятие об отношении литературы к обществу и занимающим его вопросам». По глубокому убеждению автора, «только те направления достигают блестящего развития, которые находятся в живой связи с потребностями общества»³¹.

Вместе с тем, как бы в ответ на упрёки в неспособности так называемой «утилитарной» критики к эстетическим оценкам, Чернышевский в конце 1856 г. публикует блестящий эстетический разбор творчества молодого Л.Н. Толстого, тонко

и «на века» выявляя особенности психологического дарования писателя, сформулированные в определениях «диалектика души» и «чистота нравственного чувства»³².

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» и других статьях Чернышевский продолжал наращивать мощь литературно-критических идей, участвующих в неуклонно расширяющемся наступлении на идеологию и практику крепостничества.

Страстное отстаивание права человека на уважение и общественное признание, на экономическое и политическое раскрепощение одушевляло многостороннюю деятельность Чернышевского. Благодаря блестящему публицистическому дарованию, опирающемуся на глубокую образованность, Чернышевский в короткое время сделался «знаменитым», «самым крупным литературным талантом нынешней России»³³, кумиром передовой молодежи, одним из идейных руководителей русского освободительного движения. В этой связи нельзя не видеть ещё одной стороны дарования соредатора «Современника»: по словам П.Б. Струве, «главное (и огромное) значение Чернышевского для его времени коренилось в том, что он был материалист и социалист, выливший своё теоретическое и практическое миросозерцание в столь соблазнительно ясные и решительные формулы, как никто ни до, ни после него»³⁴.

Литературные, философские взгляды Чернышевского, представленные в его «фейербаховской» статье «Антропологический принцип в философии», и его концепция личности своеобразно преломились в романе «Что делать?».

Факт допущения властями к печати произведения, написанного политическим узником Петропавловской крепости, до сих пор остаётся не вполне выясненным³⁵. В массе всеразличных отзывов о романе, со времени его опубликования в 1863 г. и на многие десятилетия поделивших читателей и ценителей на сторонников и противников, затерялись некогда слышимые, участвовавшие в общем движении голоса, впоследствии напрочь изъятые из обзоров. Среди них большая статья А.М. Бухарева (архимандрита Феодора), отзыв знаменитого религиозного философа и публициста Н.А. Бердяева. С этими выступлениями в известном смысле коррелируют Н.С. Лесков и Д.И. Писарев. Были и голоса едва ли не враждебные – два обстоятельных разбора романа, выполненных А.А. Фетом (при участии В.П. Боткина) и Н.Н. Страховым.

При существенном разбросе мнений все представленные авторы единодушны в одном – в признании слабой художественности произведения. Сам Чернышевский не настаивал на художественности своего сочинения в общепринятом эстетическом содержании понятия. «Мой рассказ, – пояснял автор в «Предисловии», – очень слаб по исполнению сравнительно с произведениями

людей, действительно одарённых талантом», и «все достоинства повести даны ей только её истинностью», поэтому в ней «все-таки больше художественности, чем в них»³⁶. Приведём комментарий Писарева, не отрицающего отсутствия в «Что делать?» художественности: «Сила Чернышевского заключается не в самородном художественном таланте, а в широком умственном развитии», «оставаясь верным всем особенностям своего критического таланта и проводя в свой роман все свои теоретические убеждения, г. Чернышевский создал произведение в высшей степени оригинальное и чрезвычайно замечательное», роман «создан работою сильного ума; на нём лежит печать глубокой мысли»³⁷. Примерно о том же говорили Плеханов и Бердяев, философы разных взглядов. Выявлению художественных недостатков романа посвятил значительнейшую часть своей статьи А.А. Фет³⁸. В конечном счёте, с «оригинальностью» романа приходилось так или иначе считаться всем, кто по какому-либо поводу обращался к оценке этого произведения, «достоинства и недостатки» которого, словами Писарева, «принадлежат ему одному».

Наибольшее внимание критиками было уделено воплощённой в образной системе романа этической теории его автора, опирающейся, по формуле самого Чернышевского, на «антропологический принцип в нравственных науках» и получившей название «разумного эгоизма». Называя эту систему «этикой утилитаризма» и «плоским учением», религиозный философ В.В. Зеньковский в то же время видит то, мимо чего прошел, например, Плеханов, упрекнувший Чернышевского в излишней рассудочности этического учения и близости его к просветительству XVIII в.³⁹ Автор «Антропологического принципа в философии», проводя постоянно мысль о готовности естественных наук предоставить материалы для «точного решения нравственных вопросов» и эгоизме как основе всех корыстных и бескорыстных движений в человеке, в то же время включает в этот проблемный круг мысль о том, что эгоистический корень всех движений «не отнимает цену у героизма и благородства» и тем самым, пишет Зеньковский, «не устраняет автономии оценивающей силы духа»⁴⁰. Замечание такого рода в известной степени уточняет, скажем, высказывание Н.О. Лосского: «То, что такие люди, как Чернышевский, посвятившие всю жизнь бескорыстному служению безличным ценностям, стремились объяснить свое поведение мотивами эгоизма, часто является следствием того, что называется скромностью, которая не позволяла им прибегать к таким высокопарным словам, как “совесть”, “честь”, “идеал” и т.д.»⁴¹.

Дело, как видим, не в простой скромности, а в осознанном понимании характера выписанных в «Что делать?» «новых людей», несущих собою «образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений» (Н.С. Лесков)⁴²,

образы «положительного человека», «человека вполне», «цельного и внутренне гармонического» (В.В. Зеньковский).

Еще в 1856 г. Чернышевский в рецензии на стихотворения Огарёва, рассуждая по поводу нового героя в литературе, последователя Печорина, Бельтова и Рудина, писал: «Мы ждём ещё этого преемника, который, привыкнув к истине с детства, не с трепетным экстазом, а с радостной любовью смотрит на неё, мы ждём такого человека и его речи, бодрейшей, вместе спокойнейшей и решительнейшей речи, в которой слышались бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может властвовать над жизнью, и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями»⁴³. «Жизнь согласить с своими убеждениями» – как раз то, что составляло смысл нравственной программы самого Чернышевского и что отмечали его современники. Для «новых людей» в «Что делать?» характерно именно это качество.

В разработке типа положительного героя автор «Что делать?» находил материал не только в собственной биографии и жизни некоторых близких ему лиц. Ранее Чернышевского основные черты «новых людей» и принципы их нравственного поведения сформулировал Н.А. Добролюбов. В статье «Когда же придет настоящий день?», написанной за несколько лет до «Что делать?», находим даже само определение – «новые люди». Чернышевский ввёл его в подзаголовок к названию своего романа, и этому определению суждено было стать устойчивым историко-литературным термином.

В статье о Тургеневе и в ряде некоторых других работ Добролюбов дал развернутую характеристику «новых людей», будущих героев в жизни и литературе. Собранные вместе, эти высказывания-размышления образуют своеобразный нравственный кодекс, получивший развитие в художественной системе романа «Что делать?». Вот что о «новых людях» писал Добролюбов:

Они рано приучают себя к «самостоятельному размышлению, к сознательному взгляду на всё окружающее». Это «люди цельные, с детства охваченные одной идеей, сжившиеся с ней так, что им нужно – или доставить торжество этой идее, или умереть». Они имеют силы отречься «от целой массы понятий и практических отношений, которыми они связаны с общественной средой», им свойственна «энергическая попытка для исправления пошлой среды». Для них характерно «полное соответствие практической деятельности с теоретическими понятиями и внутренними порывами души», у них «слово не расходится с делом». Они испытывают «любовь к истине и честность стремлений», «боль – о чужом страдании», их «переполняет жажда деятельного добра», и они способны «добро делать по влечению сердца, а не потому, что надо делать добро». Они полны ненависти ко всякому насилию, произволу

и стремятся «борьбою помочь слабым и угнетённым». Они не боятся «желать себе счастья», ищут «возможности устроить счастье вокруг себя», не думают «ставить своё личное благо в противоположность со своей жизненной целью». Для них «самоотвержение» существует «как удовлетворение потребности сердца, а не как формальное исполнение какого-то внешнего, сурового предписания». Наконец они никак не могут «понять себя отдельно от родины»⁴⁴.

Заметим, что именно таковы «новые люди» в романе «Что делать?». Они честны, полны жажды деятельного добра, не мыслят личного счастья без счастья других. Грубому эгоизму, которым зачастую охвачен тёмный, непросвещённый человек, представитель старого мира, заботящийся только о себе и готовый пренебречь интересами окружающих, «новые люди» противопоставили эгоизм «разумный», эгоизм просвещённого человека, желающего себе выгоды, но не за счёт ближнего. Нравственная чистота «новых людей», призыв к человеку становиться добрее и в то же время непримиримее ко злу и пошлости, согласовать свои убеждения с поступками – таковы исходные начала нового литературного типа, о котором размышляли наши писатели-демократы.

Развернутая в суждениях и поступках персонажей «Что делать?» теория «разумного эгоизма» истолкована через призму христианских (общечеловеческих) ценностей религиозным философом А.М. Бухаревым. «С таким эгоистическим расчётом можно и не отказываться от добродетели и нравственности», – отмечает он. В своей оценке «Что делать?» Бухарев исходит из мысли, что догматы истины Христовой своеобразно прорастают в романе Чернышевского, у которого «удивительное на это чутьё». Роман так построен, что «лучшее в нём есть почти только ещё намёк, предощущение истины, инстинктивное увлечение в пользу истины, в ущерб собственной теории романиста». Христианскую мораль критик извлекает из описаний мастерских и утопических страниц романа.

Философски обобщая в своём, христианском смысле авторские изображения взаимоотношений Лопухова, Веры Павловны, Кирсанова и Екатерины Полозовой, Бухарев писал о романе: «Не могу не видеть в нём замечательного выражения русской мысли, неудержимо рвущейся к свету истины»⁴⁵. Эта оценка была энергично поддержана Бердяевым, уделившим Чернышевскому содержательные страницы в историософском исследовании русской идеи. «Роман Чернышевского, – по убеждению Бердяева, – всё же очень замечателен и имел огромное значение. Это значение было, главным образом, моральное. Это была проповедь новой морали. Роман, признанный катехизисом нигилизма, был оклеветан представителями правого лагеря, начали кричать о его безнравственности те, кому это менее всего

было к лицу. В действительности, мораль «Что делать?» очень высокая». И далее следует ссылка на Бухарева, признавшего роман «христианской по духу книгой»⁴⁶.

Поддержка «разумного эгоизма» сближает Бухарева с мнением Писарева, идейного единомышленника Чернышевского, к каковому Бухарев, конечно, не относился. «В жизни новых людей, – говорил Писарев в своей статье 1865 г. о романе «Что делать?», – не существует разногласия между влечением и нравственным долгом, между эгоизмом и человеколюбием; это очень важная особенность».

В характеристике «новых людей» Бухарев близок и к Н.С. Лескову, записанному некоторыми историками литературы чуть ли не во враги Чернышевского. Он писал в 1863 г., в год опубликования «Что делать?», что в «новых людях», предлагающих свое понимание взаимоотношений, ему видится «бескорыстие, уважение к взаимным естественным правам, тихий верный ход своею дорогою, никому не подставляя ног», и их «по моему мнению, – убеждал Лесков, – лучше бы назвать “хорошие люди”...»⁴⁷

Другой критик был иного мнения и назвал их иронично «счастливые люди», и вся его статья пронизана сарказмом⁴⁸. Ф.М. Достоевский вспоминал об этой статье Н.Н. Страхова, которую прочитал в рукописи, как «замечательной», поскольку в ней «именно отдаётся всё должное уму и таланту Чернышевского. Собственно об романе его было даже очень горячо сказано. В замечательном же уме его никто и никогда не сомневался. Сказано было только в статье нашей об особенностях и уклонениях этого ума, но уже самая серьёзность статьи свидетельствовала и о надлежащем уважении нашего критика к достоинствам разбираемого им автора»⁴⁹. Достоевский запомнил, статья Страхова не стала «нашей», она не появилась в только что закрывшемся журнале Достоевского и была опубликована в 1865 г. в «Библиотеке для чтения». Достоевский, вероятно, держал в руках несколько иную редакцию статьи, и Страхов передал в «Библиотеку для чтения» подправленный вариант, не во всём совпадающий своими характеристиками романа и его автора с первоначальным текстом.

По духу и приемам полемики этот разбор смыкается со статьей Фета, с откровенно неприязненным вплоть до враждебности выступлением Ф.М. Толстого в «Северной пчеле»⁵⁰, получившим своего рода отповедь Н.С. Лескова, а также с воинствующей позицией опровергателя эстетики Чернышевского А.Л. Вольнского, пока его не одёрнул Вл.С. Соловьев.

Идейный пафос выступления Фета, писавшего при участии В.П. Боткина, составило неприятие социальных идей автора «Что делать?» и связанных с ними утопических страниц романа. В этой критике содержалось немало верных замечаний, но в целом она была далека от объективного разбора.

Как видим, Бухарев и Бердяев, по своему мировоззрению стоявшие, подобно Фету и Боткину, далеко от взглядов Чернышевского, всё же находили возможным объективно оценить его значение как автора некогда нашумевшего романа, глубоко нравственного в своей основе и на этой линии получающего некоторые точки соприкосновения с общечеловеческими моральными ценностями. Оба ценили в романе и в его авторе, говоря словами Бухарева, «замечательное выражение русской мысли», оба убеждены, что, по словам Бердяева об авторе «Что делать?», «глубина его нравственной природы внушала ему очень верные и чистые жизненные оценки. В нём была большая человечность, он боролся за освобождение человека. Он боролся за человека против власти общества над человеческими чувствами»⁵¹.

Завершим статью двумя высказываниями философов, не разделявших убеждений Чернышевского, но сумевших точно и объективно его оценить.

В.В. Зеньковский: «Чернышевского часто и охотно стилизовали различные течения русского радикализма, но сам он был шире тех рамок, в которые его вставляли»⁵².

Вл.С. Соловьёв: «...Все сообщения печатные, письменные и устные, которые мне случилось иметь об отношении самого Чернышевского к постигшей его беде, согласно представляют его характер в наилучшем свете. Никакой позы, напряжённости и трагичности; ничего мелкого и злобного; чрезвычайная простота и достоинство. В теоретических взглядах Чернышевского (до катастрофы) я вижу важные заблуждения; насколько он их сохранил или покинул впоследствии, я не знаю. Но нравственное качество его души было испытано великим испытанием и оказалось полновесным. Над развалинами беспощадно разбитого существования встаёт тихий, грустный и благородный образ мудрого и справедливого человека»⁵³.

Примечания

- ¹ Некрасов Н.А. Последние песни. М., 1974. С. 6.
- ² Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954–1964. Т. XVIII. С. 286.
- ³ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников: В 2 т. / Общ. ред. Ю.Г. Оксмана. Саратов, 1958–1959. Т. 1. С. 157.
- ⁴ Н.Г. Чернышевский в воспоминаниях современников / Сост. Е.И. Покусаев и А.А. Демченко. М., 1982. С. 174. Далее: *Воспоминания 1982*.
- ⁵ *Вольнский А.Л.* Русские критики. Литературные очерки. СПб., 1896. С. 262.
- ⁶ См.: *Скафтымов А.* Жизнь и деятельность Н.Г. Чернышевского. 2-е изд. Саратов, 1947; *Покусаев Е.И.* Н.Г. Чернышевский: Критико-биографический очерк. Саратов, 1953. Книга переиздавалась в 1955 г.

(Саратов), 1960 (Москва), 1967 (Саратов), 1976 (Москва).

- ⁷ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939–1953. Т. IV. С. 9. Далее: *ПСС*.
- ⁸ См.: *Стеклов Ю.М.* Решённый вопрос: Экспертиза по делу Н.Г. Чернышевского // Красный архив. 1926. Т. 6(25). С. 135–161; Дело Чернышевского: Сб. документов / Подгот. текста, введ. статья и коммент. И.В. Пороха; Общ. ред. Н.М. Чернышевской. Саратов, 1968. С. 261–263; *Любарский В.* Чернышевский опровергает // Советская юстиция. 1988. № 3. С. 16–18.
- ⁹ См. материалы обсуждения вопроса об авторстве Чернышевского: Н.Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1971. Вып. 6. С. 173–222.
- ¹⁰ Подр. см.: *Демченко А.А.* Н.В. Шелгунов о Чернышевском: критический анализ мемуарного источника // Наследие революционных демократов и русская литература. Саратов, 1981. С. 303–311.
- ¹¹ *Соловьёв Вл.С.* Из литературных воспоминаний. Н.Г. Чернышевский // Письма Владимира Сергеевича Соловьёва / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1908. Т. I. С. 271–282.
- ¹² Колокол. 1860. 1 марта. Л. 64. С. 535.
- ¹³ См.: *Порох И.В.* Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963. С. 145–146.
- ¹⁴ См., напр.: *Емельянов Б.В.* Избранные страницы русской философии. Екатеринбург, 2007. С. 119.
- ¹⁵ *ПСС*. Т. XI. С. 145; *Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г.* Чернышевский или Нечаев? О подлинной и мнимой революционности в освободительном движении России 50–60-х годов. XIX века. М., 1976. С. 171–173.
- ¹⁶ *Воспоминания 1982*. С. 315.
- ¹⁷ Там же. С. 188–189.
- ¹⁸ *ПСС*. Т. XI. С. 54.
- ¹⁹ *ПСС*. Т. X. С. 92.
- ²⁰ *ПСС*. Т. VII. С. 156, 178.
- ²¹ Там же. С. 223.
- ²² *Воспоминания 1982*. С. 433.
- ²³ *ПСС*. Т. II. С. 255, 382.
- ²⁴ Там же. С. 80–92.
- ²⁵ *ПСС*. Т. XIV. С. 322.
- ²⁶ *Писарев Д.И.* Соч.: В 4 т. М., 1955–1956. Т. 3. С. 420, 422.
- ²⁷ *Зайцев В.А.* Избр. соч.: В 2 т. М., 1934. Т. 1. С. 307.
- ²⁸ *Вольнский А.* Литературные заметки // Северный вестник. 1893. № 1. Отд. 2. С. 131.
- ²⁹ *Соловьёв Вл.* Первый шаг к положительной эстетике // Вестник Европы. 1894. № 1. С. 302.
- ³⁰ *Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1960–1968. Письма. Т. II. С. 300–301, 565; *Зельдович М.Г.* Страницы истории русской литературной критики. Харьков, 1984. Глава «Диссертация Н. Чернышевского и общественно-литературное движение его времени». С. 4–47.
- ³¹ *ПСС*. Т. III. С. 299.
- ³² Там же. С. 423, 427.
- ³³ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. XVIII. С. 234.

- ³⁴ Струве П.Б. Patriotika: Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С. 187.
- ³⁵ См.: Пинаев М.Т. Загадка издательского феномена романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?» // Волга. 1986. № 4. С. 181–191; Демченко А.А. Писатель – журнал – власть: Из цензурной истории романа «Что делать?» // Цензура как социокультурный феномен: Науч. докл. / Отв. ред. И.Ю. Иванюшина. Саратов, 2007. С. 71–84.
- ³⁶ ПСС. Т. XI. С. 11.
- ³⁷ Писарев Д.И. Соч.: В 4 т. Т. 4. С. 9.
- ³⁸ Фет А.А. Соч. и письма: В 20 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 195–259.
- ³⁹ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: В 5 т. М., 1958. Т. IV. С. 257, 300.
- ⁴⁰ Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 137.
- ⁴¹ Лосский Н.О. История русской философии. Л., 1991. С. 70.
- ⁴² Лесков Н.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956–1958. Т. 10. С. 21, 22.
- ⁴³ ПСС. Т. III. С. 568.
- ⁴⁴ Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1961–1964. Т. 2. С. 389, 547; Т. 6. С. 101–110, 120, 127, 139–140.
- ⁴⁵ Архимандрит Феодор (А.М. Бухарев). О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской: Сборник разных статей. М., 1991. С. 146, 147 (Сер. «Русские духовные писатели»).
- ⁴⁶ Бердяев Н.А. Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.; СПб., 2005. С. 624, 625.
- ⁴⁷ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 10. С. 21, 22.
- ⁴⁸ Страхов Н.Н. Счастливые люди // Страхов Н.Н. Из истории литературного нигилизма. 1861–1865. СПб., 1890. С. 309–342.
- ⁴⁹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1972–1991. Т. XXI. С. 29, 30.
- ⁵⁰ Ростислав <Толстой Ф.М.> Лжемудрость героев Чернышевского // Северная пчела. 1863. № 142.
- ⁵¹ Бердяев Н.А. Русская идея. С. 625.
- ⁵² Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. ч. 2. С. 142.
- ⁵³ Соловьёв Вл.С. Из литературных воспоминаний. Н.Г. Чернышевский. С. 282.

УДК 821.161.1.09+929 [Полевой+Григорьев]

Н.А. ПОЛЕВОЙ В «МОИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ И НРАВСТВЕННЫХ СКИТАЛЬЧЕСТВАХ» А.А. ГРИГОРЬЕВА (1862–1864)

О.Я. Гусакова

Педагогический институт Саратовского государственного университета, кафедра начального языкового и литературного образования
E-mail: Philology@sgu.ru

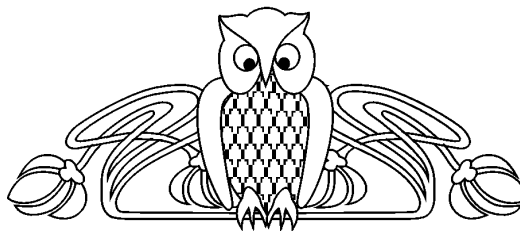
Предлагаемая статья входит в серию статей под общим названием «Творческий портрет Н.А. Полевого в литературных воспоминаниях 1850-х – начала 1860-х гг.», уже опубликованных в разных научных изданиях. Широко известные мемуары этого периода создают единый историко-литературный контекст с литературной критикой А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского и А.В. Дружинина, с новых, современных позиций подводившей в середине столетия итоги тридцатилетнему развитию русской литературы.

Ключевые слова: критика, романтизм, историзм, мемуары, литературные аристократы, литературный журнал, рецензия.

N.A. Polevoy in «My Literary and Moral Wanderings» by A.A. Grigoryev

O. Ya. Gusakova

The article belongs to a series of articles entitled «The portrait of N.A. Polevoy in literary memoirs of the 1850-s – early 1860-s», already published by different scholarly publications. Well-known memoirs from the period, together with criticism by Gerzen, Chernyshevsky, and Druzhinin, constitute a new literary-historical context which enabled a mid-XIX-th century reassessment of the previous thirty years of Russian literary history.

Key words: criticism, Romanticism, historicism, memoirs, aristocrats in literature, literary magazine, review.

В середине 1850-х г. возникла настоятельная и всеобщая потребность осмыслить итоги развития литературы предшествующего периода. В этих условиях стала закономерной и необходимостью обращения к наследию Николая Алексеевича Полевого – одного из «предводителей в литературном и умственном движении» (Н.Г. Чернышевский) первой трети XIX в.

Н.Г. Чернышевский первым после В.Г. Белинского поставил вопрос об исторической роли Н.А. Полевого. В ряде статей, рецензий 1854–1855 гг. и в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855–1856) критик остановился на ключевых моментах его деятельности, дал высокую оценку Полевому – журналисту и критику. В этих аспектах издатель «Московского телеграфа» предстал как необходимый участник общественно-литературного процесса 1820–1830-х гг., как предшественник Белинского и как критик, принципы которого имеют значение и для современной критики, и для ее будущего.